

Ажигова Ая Магомедовна

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИНГУШЕТИЮ

Статья посвящена исследованию особенностей социально-экономического развития на Тереке в период последних лет XIX - первых лет XX века. Особое внимание уделяется событиям в Ингушетии, которые сравниваются с экономическим положением населения в других частях Терской области. Подробно рассмотрены вопросы развития аграрного сектора, распределения земли, взаимосвязи экономических и социально-политических проблем. Изучена тесная взаимосвязь социально-экономических реалий в регионе с общим положением в стране, показана высокая степень зависимости экономических реалий Терской области вообще и Ингушетии в частности от шагов правительства в области социально-экономического реформирования на рубеже веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 16-19. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. **Маслюженко Д. Н.** Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во КурГУ, 2008. 168 с.
10. **Матвеева Н. П.** Исследование Царева городища в исторической части г. Тюмень // Наследие Тюменской области. 2014. № 1 (4). С. 5-11.
11. **Нестеров А. Г.** Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV-XVII вв.: археология и история: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1988. 20 с.
12. **Нестеров А. Г.** Монеты сибирских Шейбанидов // II Берсовские чтения: материалы научной конференции. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. С. 57-63.
13. **Нестеров А. Г.** Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV-XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М.: ИИСАА при МГУ, 2003. С. 109-121.
14. **Овчинникова Б. Б.** Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года) // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 166-193.
15. **Пачкалов А. В.** Новые находки средневековых мусульманских монет в Сибири и на Урале // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф. Курган: Изд-во КурГУ, 2011. С. 39-41.
16. **Пигнатти В. Н.** Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXV. С. 1-43.
17. **Протокол обыкновенного общего собрания г.г. членов Тобольского губернского музея 14 октября 1915 года** // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXV. С. 1-7.
18. **Рафикова Т. Н.** Результаты изучения Царева городища // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф. Курган: Изд-во КурГУ, 2011. С. 11-15.
19. **Соболев В. И.** История сибирских ханств (по археологическим материалам): автореф. дисс. ... д.и.н. Новосибирск: Наука, 1994. 50 с.
20. **Соболев В. И.** История сибирских ханств (по археологическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2008. Т. 10. 360 с.
21. **Соболев В. И.** Раннесредневековые города татарского населения Западной Сибири // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. Новосибирск: НГПИ, 1988. С. 49-61.
22. **Федоров-Давыдов Г. А.** Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

NEW DATA ON MONETARY CIRCULATION IN THE SIBERIAN YURT

Adamov Aleksandr Aleksandrovich, Ph. D. in History
 Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 adamowaa@yandex.ru

The article examines in detail the basic viewpoints on the existence of monetary circulation in the Siberian Yurt. The author analyzes available information on the finds of eastern coins associated with Siberia Khanates. Numerous finds of eastern and Russian coins discovered at Isker settlement allow concluding on developed monetary circulation in the Siberian Khanate. For trade operations they used both silver and copper eastern coins and Russian kopecks.

Key words and phrases: Western Siberia; Siberia Khanates; monetary circulation; Isker; Chimgi-Tura; M.S. Znamensky; V. N. Pignatti; Terekhovskiy treasure.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена исследованию особенностей социально-экономического развития на Тереке в период последних лет XIX – первых лет XX века. Особое внимание уделяется событиям в Ингушетии, которые сравниваются с экономическим положением населения в других частях Терской области. Подробно рассмотрены вопросы развития аграрного сектора, распределения земли, взаимосвязи экономических и социально-политических проблем. Изучена тесная взаимосвязь социально-экономических реалий в регионе с общим положением в стране, показана высокая степень зависимости экономических реалий Терской области вообще и Ингушетии в частности от шагов правительства в области социально-экономического реформирования на рубеже веков.

Ключевые слова и фразы: Терская область; землепользование; казачество; горцы; администрация; военное управление; земледелие.

Ажигова Ая Магомедовна

Ингушский государственный университет
 tmt_77@list.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИНГУШЕТИЮ©

Начиная новый этап взаимоотношений России и Северного Кавказа, князь А. И. Барятинский рекомендовал: «Размножайте в крае, по возможности, пути сообщения и рынки. И край будет всегда в вашей

власти» [3, с. 240]. Однако последний наместник на Кавказе, великий князь Николай Николаевич в 1916 г. отмечал, что «за истекшие со времени присоединения Кавказа к Русской империи десятилетия было уделено чрезвычайно мало внимания этой богатейшей окраине и проявлялась забота не столько об экономическом и культурном ее преуспевании, сколько о поддержании в пределах края полицейского порядка и спокойствия» [Там же, с. 543]. А. Х. Боров считает, что по отношению к народам Северного Кавказа Российское государство выступало как фактор модернизации, но ценой цивилизационного компромисса между Российской империей и народами Северного Кавказа «стала ограниченность, если не полное отсутствие импульсов пореформенной экономической модернизации северокавказских этнических обществ» [2, с. 44].

В 1866 г. прошло межевание земель в плоскостной Ингушетии. В Нагорной полосе Терской и Кубанской областей земельная реформа, в широком понимании этого слова, не проводилась. Причиной этому было то, что буквально каждый участок земли в горах имел своего владельца. Ввиду такого земельного дефицита власти не осмелились ломать устоявшиеся веками аграрные отношения [Там же, с. 51]. В основном суть земельных реформ вылилась в передачу земельных угодий в казну с дальнейшим наделением ими местных жителей на общинных началах. Жители почти поголовно становились крестьянами-общинниками, что серьезно сужало их экономическую самостоятельность и социальную мобильность. Кроме того, присоединение Кавказа сопровождалось масштабным расхищением земель коренного населения, начавшимся еще до окончания военных действий [Там же, с. 53].

Земельный вопрос оставался на протяжении всего периода нахождения Кавказа в составе Российской империи одним из самых острых. В 1916 г. последний наместник царя на Кавказе, великий князь Николай Николаевич докладывал, что «и донныне масса населения Кавказа, а именно, государственные поселяне, проживающие на казенных землях, мусульманские народности областей военно-народного управления и хизаны не имеют права собственности на землю» [3, с. 542].

В 1894 г. начальник Терской области генерал Каханов ввел правило учета лошадей и скота коренного населения, регистрацию приплода и учета купли-продажи. Осуществлялось это не столько для мониторинга развития хозяйства, сколько для недопущения угона скота. Только в 1905 г. новый наместник, граф Воронцов-Дашков после многочисленных обращений туземного населения упразднил эту регистрацию [10, с. 92].

Нехватку земли для горского населения связывали с отведением администрацией крупных массивов земли казакам. Последние, рассматривавшиеся в качестве опоры самодержавия на рубежах империи, особо патронировались государством. Только за 1859-1864 гг. казаки обустроили на территории Терской области 15 новых станиц и хуторов [5, с. 78]. Порой эти поселения появлялись не на пустых землях, а вместо чеченских и ингушских аулов, население которых подвергалось изгнанию и уходило в горы. Казаки жили в основном в границах казачьих отделов. Кастовость этого сословия была весьма выгодна властям и всячески охранялась. Огромные земельные площади были отведены терскому казачеству. В то же время возможность приобретать в Терской области землю лицами невойскового сословия была крайне стеснена [12, с. 214].

Оттесненные в горы ингуши и чеченцы столкнулись с большой недостаточностью земельных ресурсов. В равнинной части большую нужду в земельных наделах также испытывали ингуши и чеченцы. Сложно было представить более тяжелые условия, чем те, что имелись в Нагорной полосе области, как отмечали очевидцы. Депутат Государственной Думы Чхеидзе приводил с трибуны Думы расчеты Менделеева, что революции в Европе начинались, «когда народонаселение стран увеличивалось до такого предела, что на душу населения приходилось менее 4 дес[ятин] земли» [4, с. 52]. В Назрановском округе на душу мужского пола в 1912 г. отводилось 3,9 десятины хорошей земли (в соседнем казачьем Сунженском отделе эта цифра составляла 7,2 десятины) [13, с. 45].

Казачий надел сокращался по объективным предпосылкам, но все равно был довольно обширен. Рядовой казак не самого обеспеченного землей Сунженского отдела распоряжался 5 десятинами посева [12, с. 221] (в более богатом Кизлярском отделе – 15,8 десятины) [13, с. 45]. В сравнении с крестьянами из числа горских народов казаки были наделены удобной землей лучше в 2-2,5 раза [7, с. 91]. Войсковой запас земли Терского казачьего войска на 1912 г. включал 108203 десятины. Эти земли были желанной мечтой безземельных и малоземельных горцев [12, с. 221].

А. Х. Боров отметил три основные черты, которыми примечательно социально-экономическое развитие Северного Кавказа в пореформенный период. Во-первых, оно находилось в зависимости от миграционных потоков из центральных регионов России; во-вторых, оно характеризуется динамичными темпами развития экономического процесса и его взаимосвязями с капиталистическими преобразованиями важнейших хозяйственных отраслей; в-третьих, это развитие характеризуется отчетливой неравномерностью эволюции различных природно-географических зон (степной, предгорной, высокогорной) и этнических групп [2, с. 54]. Посмотрим, как все эти три черты прослеживаются в экономическом развитии Ингушетии.

Земледелие в горной зоне здесь развивалось слабее, чем в Ставрополье и на Кубани. Общеизвестно, что «если в степной полосе успешно развивался земледельческий капитализм, то в горной зоне капитализм не стал господствующей формой производственных отношений. В горах бытовали кабално-ростовщические формы эксплуатации. Агротехника оставалась примитивной» [Там же, с. 55]. Отходничество не было распространено. В среде ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев отъезд за пределы своих этнических ареалов был сравнительно редок [7, с. 93]. Однако все же отходничество имело место и здесь. В начале XX века на нефтяных разработках в Грозном работали 2606 чеченцев и ингушей (составляя 12,4% всех рабочих). При этом из этого числа до 80% работающих брали расчет, проработав на нефтедобыче меньше года [11, с. 78].

Назрановский округ, население которого составляли преимущественно ингуши, отставал по количеству землеобрабатывающей техники: в округе на 1910 г. имелось 2486 единиц «усовершенствованной техники». Для сравнения: в Грозненском округе эта цифра составляла 2250, Нальчикском – 11503, Владикавказском – 4150, в Моздокском отделе – 10738, в Сунженском отделе – 8704 [9, с. 34].

В горных селениях базисным элементом экономики на протяжении всего пореформенного периода было животноводство. Оно, как и прежде, носило экстенсивный характер. На равнине гораздо активнее развивалось земледелие, налаживалось производство кукурузы и зерна. Численность деревенской бедноты в горной зоне увеличивалась быстрее, чем на равнине, а сельская буржуазия росла, напротив, медленнее.

Еще одной активно развивающейся сферой экономической жизни была торговля. Среди владельцев ярмарочных магазинов в 1914 г. можно встретить имена ингушей А. М. Баталова и Магомеда, Мацу и Домбая Мациевых [8].

Рост капиталистических механизмов в хозяйствовании предсказуемо вел к обострению общественных отношений в регионе. Последний царский наместник на Кавказе признавал, что взаимоотношения между группами населения на Кавказе глубоко враждебны. Причины такого положения дел, укоренённого в грузе исторических проблем в прошлом, усугублялись на почве экономической борьбы и были трудно устранимы без коренных преобразований [3, с. 547].

Временем серьезных экономических пертурбаций стали 90-е гг. XIX века. Прокладка железной дороги включила в область товарного земледелия плоскостные территории, развернулась распашка пастбищных площадей. Началось постепенное уменьшение поголовья скота. Это болезненно отразилось, прежде всего, на жителях горных селений. Заметный экономический взлет шел одновременно с кризисом традиционной экономики региона, проявлениями дисбаланса хозяйственного развития плоскостных и горных районов [2, с. 58].

Эти изменения служили причиной усиления внутреннего социального напряжения. А. Х. Цаликов писал: «Вместе с ломкой натурального хозяйства гибнет весь общинно-родовой быт горца, все его верования, обычаи, традиции разлетаются прахом, все его старинные понятия о чести, о человеческом достоинстве, весь освященный веками семейно-родовой уклад... Самый характер горца начинает сильно видоизменяться. Горец чувствует, как исчезает гармония в его мыслях и в его жизни, которые давали столько уверенного спокойствия и самообладания его предкам. Жизнь выбивает его каждодневно из обычной колеи» [Там же, с. 51].

В пореформенные годы численность жителей Терской области выросла в 2,5 раза. Это достигалось не только путем естественного прироста, но и за счет миграций из центральных губерний России. Одной из целей подобных миграций было увеличение присутствия в регионе русского населения [12, с. 221]. Переселение шло на плоскостные территории. С одной стороны, там расселялись выходцы из Центральной России, с другой – выселялись на равнину с гор коренные жители. Наместник Кавказа И. И. Воронцов-Дашков «призывал к осторожности в деле русской колонизации, ибо остающиеся запасы пустующих земель нужны для будущего местного населения и опасно столкнуть его с русскими колонистами» [6, с. 107]. С. А. Хубулова отмечает, что плоскостные районы на Северном Кавказе также подверглись колонизации со стороны местных крестьян-горцев. Последние, оказавшись по воле обстоятельств за пределами горных селений, перемещались в селения на равнине в поисках пропитания и заработка. У разных народов Кавказа этот процесс протекал неодинаково [12, с. 227]. По опыту миграции чеченцев на равнинные земли кумыков и кабардинцев, имевшей горький опыт, было известно, что последние до начала XIX века стремились поставить в зависимость от себя чеченцев, переселившихся на плоскость [1, с. 117].

В начале XX века притязания кабардинцев или кумыков на господство над переселившимися чеченцами были нереальны. Тем не менее, эти народы все еще были способны дать организованный отпор переселению. Поэтому объектом давления с их стороны стали, в первую очередь, земли, которые населяли разобщенные мигранты из Центральной России. От коррумпированной местной власти переселенцы на жалобы получали ответ: «Зачем вы сюда переселялись? Вы знали куда шли? Защищайтесь сами, мы вас защитить не в состоянии» [4, с. 127].

В условиях дефицита земли особую роль играла аренда. «Арендованная земля использовалась двояко: для расширения своего хозяйства (капиталистическая аренда) и для сдачи в субаренду небольшими участками» [12, с. 222]. Площадь земли, арендуемой у казаков, постоянно увеличивалась. В 1892 г. арендный фонд в Сунженском отделе составлял 14% площадей, а в 1905 г. – 18,8% [Там же, с. 223]. В своем обращении, направленном в Государственную Думу и оглашенном в стенах парламента 28 января 1909 г., ингуши писали, что «в среднем ингушское племя платит ежегодно казакам слишком 30.000 рублей арендной платы» [10, с. 121].

Столыпинская аграрная реформа, хотя и коснулась основы сельского хозяйства на Кавказе, не распространялась непосредственно на горское и казачье население. Это объяснялось тем, что поддержание общинного уклада как у казаков, так и у горцев отвечало интересам царских властей в регионе [3, с. 297].

Таким образом, ключевым вопросом социально-экономической жизни был земельный. Переселенческая активность играла важную роль в складывании социально-экономических реалий на Северном Кавказе на рубеже прошлого столетия. Между тем, она оказала серьезное влияние на формирование социально-экономической ситуации в регионе. Однако в то же время она являлась существенным фактором развития общественно-политической ситуации.

Список литературы

1. Блиев М. М. Традиционная культура чеченского общества и феномен российско-чеченских конфликтов // Национальные отношения и межнациональные конфликты. Владикавказ, 1997. С. 117-124.
2. Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007. 299 с.

3. **Кавказ и Российская империя. Проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в.** СПб., 2005. 720 с.
4. **Кавказский запрос в Государственной Думе:** полные речи всех ораторов по официальным стенограммам. Тифлис: Электронпечатня Ч. Г. Хачатурова, 1909. 280 с.
5. **Мартirosian Г. К.** История Ингушии. Владикавказ, 1933. 314 с.
6. **Национальная политика России: история и современность.** М., 1997. 680 с.
7. **Ортабаев Б. Х.** Терское казачество накануне Великого Октября // Казачество в революциях и гражданской войне: материалы второй Всесоюзной научной конференции (г. Черкесск, 9-11 сентября 1986 г.). Черкесск, 1988. С. 89-95.
8. **Терская жизнь.** 1914. 21 сентября.
9. **Терский календарь на 1911 год.** Владикавказ, 1911. 578 с.
10. **Ткачев Г. А.** Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. Вып. 2. Труды Терского Общества Любителей Казачьей Старины. 158 с.
11. **Хасбулатов А. И.** Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX – начало XX в.). М., 1994. 252 с.
12. **Хубулова С. А.** Казачье землевладение и социальное напряжение в горских районах Северного Кавказа в начале XX века. Волгоград, 2000. 424 с.
13. **Цуциев А. А.** Атлас этнополитической истории Кавказа. М., 2006. 128 с.

SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE TEREK REGION AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES AND ITS INFLUENCE ON INGUSHETIA

Azhigova Aya Magomedovna
Ingush State University
tmt_77@list.ru

The article is devoted to the study of the peculiarities of the socio-economic development in the Terek region during the last years of the XIX – the first years of the XX century. Special attention is paid to the events in Ingushetia, which are compared with the economic situation of the population in other parts of the Terek region. The issues of the development of agricultural sector, the distribution of land, and interconnections between economic and socio-political problems are considered in detail. The strong interrelation of socio-economic realia in the region with the general situation in the country is studied; the high degree of the dependence of the economic realia of the Terek region in general and in Ingushetia in particular on the steps of the government in the field of socio-economic reformation at the turn of the centuries is shown.

Key words and phrases: the Terek region; land tenure; the Cossacks; mountaineers; administration; military and public control; agriculture.

УДК 316.33

Философские науки

В статье анализируются политические предпосылки формирования представлений о прошлом в молодежной среде. Автор исследует методологические предпосылки конструктивистского понимания исторической памяти и указывает на тесную взаимосвязь процесса конструирования с поколенческой динамикой передачи социального опыта. Современная российская молодежь находится в ситуации постепенного ухода от тех воспоминаний, которые считались жизненно важными для предшествующих поколений, что может привести к возникновению рисков исторической памяти и способствует формированию определенной политики памяти.

Ключевые слова и фразы: историческая память; поколение; молодежь; социальная динамика; легитимация; забвение; риски.

Аникин Даниил Александрович, к. филос. н., доцент
Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
dandee@list.ru

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ©

*Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-33-01003
«Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».*

Историческая память представляет собой проекцию прошлого в контексте современных социокультурных и социально-политических реалий, она является не только формой мышления, но и социальной практикой, реализуемой посредством создания музейных экспозиций, туристических маршрутов, публичных коммемораций. По сути, это набор повседневных знаний о прошлом, который актуализируется в различных социальных практиках, выступая источником идентификации индивида с определенным сообществом, причем основным критерием такого соотношения является не столько знание определенного набора фактов, сколько солидарность в отношении оценок этих фактов.